

Живая история

А. В. Черныш

—♦—

На фронтах Великой войны

—♦—

Воспоминания
1914–1918

Живая история (Кучково поле)

Андрей Черныш

**На фронтах Великой войны.
Воспоминания. 1914–1918**

Издательство «Кучково поле»

УДК 93
ББК 63.3(0)53

Черныш А. В.

На фронтах Великой войны. Воспоминания. 1914–1918 /
А. В. Черныш — Издательство «Кучково поле», — (Живая
история (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0452-3

Публикация мемуаров А. В. Черныша (1884–1967), представителя плеяды русских офицеров – участников Первой мировой войны, полковника Генерального штаба, начальника связи 17-го корпуса 5-й русской армии, осуществляется совместно с Государственным архивом РФ и приурочена к 100-летию начала Первой мировой войны. Первые три части воспоминаний охватывают период службы автора с 1914 по 1916 год и представляют уникальные свидетельства очевидца и участника боевых действий в районах реки Сан под Перемышлем, переправы через реку Буг, отхода русской армии к Владимиру-Волынскому. Последняя часть мемуаров посвящена службе А. В. Черныша в Добровольческой армии в 1918 году.

УДК 93
ББК 63.3(0)53

ISBN 978-5-9950-0452-3

© Черныш А. В.
© Издательство «Кучково поле»

Содержание

Генштабист в двух войнах России	5
На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918	13
Часть I	13
1. Штаб 17-го корпуса. Первое впечатление	13
2. Отъезд на фронт. В пути	15
3. В Ковеле	16
4. Начало марш-маневра	18
5. Приказ по армии о дальнейшем наступлении и его целях. Исполнение	20
6. Переправа через Буг и марш-маневр в новом направлении	22
7. 15 августа. Первые бои. Неудача	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

А. В. Черныш

На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918

Генштабист в двух войнах России

Андрею Васильевичу Чернышу досталось прожить долгую жизнь. Он родился 12 (25) октября 1884 года и скончался 27 декабря 1967 года. А. В. Черныш не относится к числу известных персон Великой и Гражданской войн, хотя активно участвовал в обеих. Публикуемые мемуары написаны в эмиграции, как и многие сотни других подобных воспоминаний, и извлечены из Государственного архива Российской Федерации, куда они попали из знаменитого Пражского архива.

Воспоминания разбиты на блоки, с внутренним оглавлением. В пометках к названию мелькает фраза о воспоминаниях «других участников». Видимо, Черныш собирался или пробовал собрать воспоминания сослуживцев либо использовать их в работе. Так поступали многие мемуаристы русского зарубежья. Однако в результате перед читателем – собственно воспоминания А. В. Черныша. Можно предположить более обширный замысел автора, который по каким-то причинам не состоялся.

Некоторые мемуаристы пишут, не ориентируясь на публикацию, – пишут для себя, делятся пережитым с детьми. В случае с А. В. Чернышом публичность явно предполагалась. Он делает примечания и пояснения для будущего читателя, в оглавлении есть пометки, как следует перекомпоновать разделы. Наконец, сам выбор тем: обстоятельный очерк первых недель войны, затем боевые эпизоды из позиционной борьбы на протяжении года (в 1915–1916 годах) и, наконец, первый период пребывания в Добровольческой армии (август – октябрь 1918 года) – время тяжелейших боев в Ставропольской губернии. Сам выбор сюжетов для освещения в мемуарах характеризует воспоминателя. Из весьма богатой боевой службы многое осталось «за кадром». Нельзя сказать, чтобы он гнался за красочностью и «батальностью» изложения. Да и выдающимся литературным даром автор, пожалуй, похвастаться не мог. Вероятно, Андрей Васильевич прежде всего выбрал сюжеты, оставившие наибольший след в душе.

Обозначим основные вехи биографии мемуариста, хотя сколько-нибудь полного биографического очерка дать пока невозможно. Кубанец, родом из Ейска, православный. В службу вступил 31 августа 1901 года, имея за плечами четырехклассное городское училище. Затем последовала учеба в Тифлисском пехотном юнкерском училище. Из училища Черныш выходит подпоручиком (22.04.1905) в 89-й пехотный Беломорский полк, а затем служит в 141-м Можайском – именно этот полк Черныш называет в тексте родным. Первый кадровый состав Можайского полка погибнет в начале Великой войны, в несчастливом наступлении в Восточную Пруссию. Справочные издания показывают участие Черныша в Русско-японской войне 1904–1905 годов, однако ни Беломорский, ни Можайский полки на эту войну не отправлялись. Очевидно, был добровольный перевод молодого офицера в действующую армию. Правда, после окончания училища у добровольца уже не было шансов поучаствовать в баталиях – война заканчивалась. Служба приносит следующие чины – поручика (09.08.1908) и штабс-капитана (09.08.1912). В 1912 году Черныш успешно завершает учебу в Императорской Николаевской академии Генерального штаба. По выпуску из академии приказом по Генеральному штабу № 27 за 1913 год он прикомандирован к своему 141-му Можайскому пехотному полку на год для командования ротой. Это так называемый строевой ценз, который обязаны были отбыть офицеры Генерального штаба, основная служба коих отныне предполагалась на штабных должностях.

стях. На Великую войну наш герой выходит обер-офицером для поручений при штабе 17-го армейского корпуса. Вскоре последовал чин капитана (09.08.1914). С 28 июля 1915 года он занимает должность старшего адъютанта штаба того же корпуса, то есть заведует всем штабным делопроизводством. Именно об этом периоде службы рассказывается в публикуемых мемуарах.

Начинаются воспоминания обстоятельным рассказом о начале войны на австрийском участке фронта. Капитан Черныш – офицер штаба корпуса, и с этой весьма выигрышной для читателя позиции дает подробную и обстоятельную панораму похода к границе и первых месяцев войны. 17-й армейский корпус не выделялся особыми качествами, в этом смысле как раз и показателен. В начале войны он терпит чувствительное поражение, затем действует ровно, с успехом – в наступлении 1916 года. Мемуарист дает характеристики командирам, описывает настроение частей, слухи и многие другие сюжеты, которых не найти в официальной документации. Некоторые из упоминаемых действующих лиц впоследствии писали сами, так что читатель имеет возможность сопоставить разные мнения об одних и тех же событиях. Например, обстоятельный очерк о второочередных (состоявших из призванных запасных) дивизиях уже в эмиграции опубликовал генерал Симанский¹. В 17-м корпусе он командует как раз такой – 61-й пехотной – дивизией, которой трудно дались первые бои. Генерал на ее примере показывает слабые места русской мобилизации и организации подготовки к войне.

Жизнь штаба в условиях начавшейся войны, сам переход к фронтовому быту описаны очень интересно. В числе прочего отмечены сюжеты, постфактум вызывавшие повышенное внимание писателей русского зарубежья. Это поколенческая разница – военная молодежь и немолодой генералитет. Среди генералов, как мы видим глазами А. Черныша, встречались комичные фигуры, просто не отвечавшие задачам новой, невероятно масштабной и непривычно технологичной войны. Таков у Черныша инспектор артиллерии корпуса генерал Развадовский. Генштабовская молодежь несла значительную часть рутинной нагрузки; три молодых капитана в шутку звались «тремя китами», на которых держалась штабная работа.

В то же время читатель видит и хороших офицеров среднего поколения: таков начдив генерал Булатов, ушедший «на корпус», на повышение. Отметим, что на сегодняшний день его судьба после 1917 года неизвестна. Яркий заслуженный боевой командир исчез для историков в круговерти междоусобицы. Таких судеб – сотни. На походе на Черныша была возложена организация службы связи – нужнейшая и неблагодарная служба, как он сам пишет. Сразу же выяснилось, что по мобилизации в команду связи штаба присланы люди, не имеющие представления о телефоне. Обучение на ходу, на походе оказалось единственно возможной реакцией на просчет мобилизационного планирования.

Воспоминания позволяют увидеть черточки военного быта, отчасти – фольклора войны. Известна «железная» бригада, затем дивизия – 4-я стрелковая – генерала А. И. Деникина. В 17-м же корпусе репутацию «кремневой» заслужила 3-я пехотная дивизия, как раз в командование ею генерала Булатова. Еще до начала боевого соприкосновения войска нервируют слухи о «польских легионерах» (в краю, где можно предполагать недружественность части польского населения), волнуются и штабы... Шифр, используемый для секретной связи со штабом армии, настолько незатейливый, что телеграмму, предназначенную лично начальнику штаба, несущий ее офицер расшифровывает без ключа на ходу. Потом сознается в «преступлении», все благодушно смеются. Это не единичный случай. Пошедший в восточно-пруссский поход 13-й армейский корпус не имел при себе шифра и переписывался со штабами открытым текстом. Это добавило лишний кирпичик в катастрофу 2-й армии. Действительно, сознание старших начальников не успевало за новыми скоростями и масштабами в военном деле.

---

¹ Симанский П. Н. Мобилизация русских войск 1914 г. и ее недостатки. Второочередные дивизии // Война и революция. 1926. № 1/2. С. 130–140.

Одним из уязвимых мест Русской императорской армии была известная разобщенность между родами войск. Артиллеристы дорожили своей кастовой сплоченностью, не готовы были тактически гибко взаимодействовать с пехотой, существовал гвардейско-армейский антагонизм, конница была склонна третировать пехоту... Об этом написано немало, в том числе и русскими офицерами постфактум, в зарубежье. Черныш демонстрирует свой пример. Приданная корпусу кавалерийская дивизия получает упрек в пассивности от штаба корпуса. На следующий день она красиво атакует в конном строю австрийские окопы, несет большие потери, но прорывает вражескую позицию, берет батарею. Захваченные пушки присланы прямо с поля боя в штаб корпуса в качестве ответа на недавний упрек. Еще на следующий день в наступление идет пехота корпуса, нужна кавалерия для развития успеха, – однако кавалеристы безучастны, начдив заявляет об утомлении недавним боем... История характерная, и не только как повод для рассуждений о несогласованности действий. Такие случаи – продукт определенной военной культуры, в которой красота подвига, соревновательность и специфическая «обидчивость» вполне полноправны. В начале Великой войны командиры в больших чинах ходили в атаки в густых цепях, со стеклом в руках, ругаясь по-французски – это отсюда... Похожее было и у германцев. Война и невиданный стремительный прогресс техники быстро излечили от старомодной эффектности. Однако за изменением тактики и техническим усовершенствованием нельзя не увидеть гибели военного джентльменства, того духа, который родил военных даже враждующих армий. Стилистика Второй мировой войны будет удручающе иной.

В мемуары привносится привычная стилистика прилежного генштабиста: скрупулезно указываются маршруты движения и направления операции, обозначается линия фронта, автор дополняет текст схемами, идет речь о положении в соседних корпусах. То есть перед читателем действительно разворачивается панорама военных событий, в связи и последовательности. В то же время офицер на войне не забывает восхититься красотой древней Волыни, на территории которой происходят военные действия.

Второй блок воспоминаний охватывает период августа 1915 – июня 1916 годов, от конца великого отступления до победных дней Брусиловского наступления. Что важно – корпус в результате отступления из австрийской Галиции возвращается примерно в те же места, с которых начинал войну. Он снова на Волыни. Черныш характеризует своими примерами обстановку тяжелого летнего отступления, печально известного снарядного голода. В штаб корпуса прибыло два ящика винтовок, и возникает серьезное обсуждение – какой части передать такое богатство. Автор отмечает, как угнетало войска отступление без давления противника, в целях бесконечных выравниваний фронта по отошедшим соседним корпусам. Солдаты приписывали отход общей слабости, и уныние было больше, чем при очевидных поражениях от неприятеля. Позиционная война на обжитой позиции сменяется подготовкой наступления. В начале войны корпус терпит весьма чувствительное поражение. Теперь же, когда корпус переходит в наступление, автор отмечает высокий боевой дух, неспровоцированный никакой «политработой» (за отсутствием таковой в императорской армии). Артиллеристы работают у орудий, сбросив мундиры, в жаре и грохоте, одержимые желанием «накласть» австрийцам, отыграться за поражение и долгое сидение в окопах. Грубоватая солдатская мотивация не должна скрыть от нас непротивного воодушевления рядового Великой войны.

А. В. Черныш по штабной службе видит много известных персон и передает в своих мемуарах сведения об их репутации. Он упоминает о начдиве А. И. Деникине, о командующем Юго-Западным фронтом генерале А. А. Брусилове, А. М. Каледине и других.

Вскоре после успешного наступления фронта Черныш покидает штаб корпуса. Он занимает должность штаб-офицера для поручений отделения генерал-квартирмейстера штаба 1-й армии (с 30.06.1916; на 03.01.1917 оставался в этой должности). За назначением последовал и штаб-офицерский чин подполковника (15.08.1916). Сам Черныш вскользь пишет о том, что в штабе армии уже совсем не чувствуется война и этой службой он тяготился. 1-я армия с

апреля 1916 по июль 1917 года входила в состав Северного фронта. Другая, давно ставшая позиционной война и другой противник – разницу в боевой ценности австрийского и германского неприятеля понимали и начальствующие лица, и солдаты. Армией командовал генерал от кавалерии А. И. Литвинов. Любопытно, что в начале войны они были соседями по одной, пятой, армии: генерал Литвинов командовал в ней 5-м корпусом, а Черныш служил в штабе 17-го.

Осень 1917 года, знаменовавшая собою начало конца «старой» (как вскоре станут говорить) русской армии, принесла Андрею Васильевичу самостоятельное штабное назначение. Он становится исполняющим должность начальника штаба 105-й пехотной дивизии 32-го корпуса. По состоянию на 1 марта 1918 года Черныш указан исполняющим должность начальника штаба 105-й пехотной дивизии с 19 октября 1917 года². Этот период своей службы – скорее всего, весьма тягостный – Черныш не описывает. Однако некоторые штрихи, которые касаются интересного и малоизвестного сюжета – «досиживания» русских частей на замершем фронте в зимние и весенние месяцы 1918 года, – добавляет. На фронте Великой войны Черныш просидел дольше очень многих – по май 1918 года. Штаб штампует увольнительные, солдаты делят казенное имущество и разъезжаются, война так или иначе закончена. Через условную уже линию фронта прошли германские войска, направлявшиеся в глубь Украины. Автор, сидя «на линии фронта», оказался глубоко в тылу германских войск, уже как будто и не вражеских. Еще одна гримаса Брестского мира и последующих политических конфигураций: родители в Ейске, оттуда доходят слухи о Добровольческой армии; жена в Орле (довоенное место квартир 141-го Можайского полка, надо полагать, во время службы Черныш и породнился с местной семьей), на красной территории; за спиной немцы, которые хозяйничают на Украине. Черныш описывает эти обстоятельства и выбирает путь на юг, наметив возможности связи с семьей. Любопытны моменты, связанные с полубутафорской враждебностью германцев к добровольцам. Следуя по Днепру на пароходе, автор отмечает отсутствие ощущения новых – гетманских – порядков на Украине и полное обывательское равнодушие к политическому украинству. Зато цветет фольклор – стены парохода исписаны нелюбезными замечками по поводу властей и переворотов в Киеве. Характерный штрих, повторяющийся в русской военной мемуаристике: австрийцы в роли оккупантов породили желание только продемонстрировать им крайнее пренебрежение. Русские офицеры не раз писали, что победная поза австрийцев в 1918 году воспринималась не иначе как недоразумение.

За годы Великой войны Андрей Васильевич, уже имея орден Св. Станислава 3-й степени (19.05.1912), был неоднократно награжден. Он стал кавалером орденов Св. Анны 4-й степени (18.03.1915), Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (14.05.1915), Св. Анны 2-й степени с мечами (14.05.1915), Св. Станислава 2-й степени с мечами (24.05.1915). Мечи означают, что награды получены за заслуги на поле боя. Для штабного чина – это свидетельство инициативности и смелости.

«Германский» Таганрог и красный Ейск летом 1918 года, тайные рейсы с помощью местных рыбаков... Черныш не заостряет внимания на любопытном эпизоде, но он выразителен сам по себе. Ейские комиссары, местные большевики, уже запятнавшие себя убийствами, – парни с городских окраин, известные автору с детства. Маленькие городки всегда наиболее выразительно демонстрируют механизмы и мотивации междоусобицы.

В Добровольческую армию А. В. Черныш попадает в августе 1918 года. Уже взят Екатеринодар, армия только что переформирована, впереди освобождение всего Северного Кавказа. В это же время поступит в армию и П. Н. Врангель; о действиях его дивизии Черныш не раз упоминает.

---

² Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. Справочные материалы. М., 2009. С. 470.

Поступив в армию, он получает отпуск в Киев для устройства личных дел и по возвращении приступает к новой службе. А. В. Черныш родился в 1884 году, Гражданская война очень «молодая», средний возраст комбатанта в ней заметно ниже такового же в Мировой войне. Так что 33–35 лет, война и высшее военное образование за плечами – это весьма солидно, это высококвалифицированный и опытный человек. Для Гражданской – возраст молодых командармов. Из известных персон первого ряда на белой стороне в таком возрасте были, например, В. О. Капель, А. Г. Шкуро, С. Н. Булак-Балахович, Д. А. Лебедев, Г. И. Клерже, К. Я. Колзак, А. П. Кутепов, Ф. А. Пучков. Это те, кто выходил на войну капитанами и штабс-капитанами. Черныш сразу попадает в штаб 3-й дивизии генерала М. Г. Дроздовского. В ее основе – участники знаменитого похода Яссы – Дон. Именно тяжелые бои августа – начала ноября на Ставрополье и описаны в заключительной части мемуаров.

Добровольцы и кубанцы во Втором Кубанском походе столкнулись со сравнительно плохо организованным, но весьма многочисленным и смелым врагом. Ядро красных войск составляли недавние солдаты Кавказского фронта, черноморские матросы, часть кубанской казачьей молодежи, перенимавшие казачью воинскую сноровку иногородние крестьяне Кубанской и Терской областей. Поэтому бои на Ставрополье обошлись Добровольческой армии чрезвычайно дорого. Ставрополь и Армавир обескровили полки. А впереди были еще зимние бои в Терской области.

Победоносный Кавказский фронт выполнил историческую задачу и даже январским наступлением 1917 года в сторону Месопотамии помог англичанам взять Багдад, оттянув часть турецких сил. Все плоды побед отобрала революция. 5 (18) декабря 1917 года между русскими и турецкими войсками было заключено так называемое Эрзинджанское перемирие. Это привело к массовому отходу русских войск из Западной (турецкой) Армении на территорию России. Центр тяжести борьбы в Закавказье переместился на армяно-турецкое противоборство. Для России война с Турцией была завершена с подписанием Брестского мира, что означало формальное прекращение существования Кавказского фронта и возможность возвращения на родину для всех русских войск, еще оставшихся на территории Турции и Персии. К началу 1918 года турецким силам в Закавказье противостояли лишь небольшие силы местных, в основном армянских, добровольцев. Солдаты стали стремительно покидать фронт, пробиваясь с боями в Россию. Турки постарались отыграть свои поражения и вторгнуться в Восточную (русскую) Армению. Начали создаваться контуры независимых государств и армий в Закавказье, над армянами нависла тень нового геноцида. Наступление войск Османской империи было остановлено только в конце мая, в результате Сардарпатского сражения. Солдаты Кавказского фронта вынуждены были отбиваться от национальных отрядов, которые охотились за оружием, быть свидетелями и участниками уже всюду полыхавших схваток между терскими казаками и горцами. Наиболее громким событием в этом ряду стала Шамхорская бойня – нападения на идущие с фронта эшелоны со стороны азербайджанских повстанцев. Результатом стали тысячи жертв. Все эти события вряд ли добавляли миролюбия. А у многих черноморских матросов за спиной были страшные «еремеевские» ночи, которые они устраивали офицерам и «буржуйам» в Крыму и других пунктах побережья. Вот этот контингент и стал одной из главных составляющих красных войск, противостоящих Добровольческой армии.

На Северном Кавказе образовался целый ряд «советских» республик, подобно таким же по соседству, как Донская или Донецко-Криворожская. Это Кубанская, Черноморская, Ставропольская, Терская республики в составе РСФСР. В условиях начала Второго Кубанского похода Добровольческой армии, опять-таки под дирижерством С. Орджоникидзе, 1-й съезд Советов Северного Кавказа (5–7 июля 1918 года) постановил объединить Кубано-Черноморскую, Терскую и Ставропольскую советские республики в единую Северо-Кавказскую советскую республику в составе РСФСР, со столицей в городе Екатеринодар. В декабре 1918 года Президиум ВЦИК принял постановление об ее упразднении. Республика потеряла территорию

в результате побед белых войск – так завершилась история «первой» советской власти на Кавказе. Погасить мощную революционную волну, поднявшуюся на противоречиях казаков и иногородних, на огромной массе солдат с далекого фронта, который оказался как бы вне России, на национальных противоречиях богатого и пестрого края, досталось Добровольческой армии как раз изначального, отборного состава. Огромные потери, тяжелые жертвы летне-осенних боев 1918 года не раз отмечены в воспоминаниях. Именно эти месяцы боевой страды в рядах 3-й стрелковой, будущей Дроздовской, дивизии довелось провести нашему герою.

Андрей Васильевич обрывает мемуары на своем отбытии из Дроздовской дивизии. Уход сопряжен с обидой, – ему не досталось место начальника штаба, новый начдив генерал Май-Маевский привел своего. Видимо, этот период Гражданской войны для Черныша наиболее памятен. Затем он будет в Кавказской армии, пройдет и Крымскую эпопею, однако они предметом воспоминаний не стали. Действительно, осенние бои под Ставрополем и Армавиром оказались очень тяжелыми и кровопролитными для Добровольческой армии. В этих сражениях добровольцы перемололи неорганизованные, но многочисленные красные войска Северного Кавказа. Красные хоть и действовали в режиме революционных полчищ, плохо управляемые и тактически малограмотно, но в порыве, а иногда и упорстве им отказать нельзя. Об этом не раз написано автором. Добровольцы привычно сражались в условиях большого, зачастую краткого, численного преимущества противника. Отметим и то, что события на Северном Кавказе летом – осенью 1918 года отразились в мемуарах известных персон, а также в широко известных художественных произведениях. Это мемуары П. Н. Врангеля и А. И. Деникина, книги А. Толстого и А. Серафимовича...

Читатель увидит, что мнение генштабиста-полковника о своем начдиве не самое высокое. Вождение войск в трудных боях под Ставрополем со стороны Дроздовского не было уверенным, не носило печати боевого вдохновения. Об этом автор пишет не раз и весьма настойчиво, говоря о своем разочаровании талантами известного генерала. В частности, он упоминает о полученном начдивом от главнокомандующего А. И. Деникина выговоре. Для такого человека, как Дроздовский, это было унижительное наказание, и именно так оно и было воспринято. Хотя, по обстоятельствам, недовольство действиями дивизии было вполне обоснованным. Черныш, как зрелый военный, считал такой демарш главкома ошибочным. Интересно, что этот частный, в общем-то, сюжет знаком многим читателям в весьма красочном изложении А. Н. Толстого в «Хождении по мукам». В романе вообще чуть ли не страницами скрыто звучит белая мемуаристика. У Толстого Дроздовский возмущенно заявляет: «За честь почти – быть рядовым!» – выказывая готовность оставить командование дивизией, коль скоро его действия вызывают недовольство командования. Черныш описывает сюжет, овеянный легендой, – ранение обиженного командованием генерала М. Г. Дроздовского, оказавшееся для него роковым. Андрей Васильевич обрисовывает отрицательные последствия специфически добровольческого настроения несомненного героя. Так, Дроздовский аккумулирует своих соратников в офицерском батальоне. Это те, кто ушел с ним с Румынского фронта, участники легендарного похода. Их берегут, даже в ущерб боевым потребностям, Дроздовский тяжело переживает каждую потерю, при этом колебания и нерешительность как раз и обращаются в неоправданные потери и неустойки... Все это из области света и теней того нового, добровольческого, орденового строительства армии, которое выросло на белой стороне Гражданской войны. Квалифицированный наблюдатель, Черныш, не бывший среди «первых начавших», психологически способен взглянуть со стороны, и этот взгляд довольно критичен. В полководческом даровании он М. Г. Дроздовскому отказывает. Достоин внимания, что очень лестно автор отзывается о генерале Боровском, тоже начдиве в тот период. В последующей «белой легенде» эта фигура никогда не будет в первом ряду, в отличие от Дроздовского. Еще одна известная персона, которую вблизи, в сложный период, видит мемуарист – генерал В. З. Май-Маевский. Он только что назначен начдивом 3-й дивизии вместо раненого М. Г. Дроздовского, дивизия

отступает после тяжелых боев... Генерал Май-Маевский вызывает несколько ироничное отношение мемуариста, хотя он и наслышан о весьма высокой боевой репутации генерала.

Черныш упоминает свое кратковременное возвращение в штаб 3-й дивизии в Каменноугольном бассейне, то есть зимой или весной 1919 года. Но этот эпизод и вся дальнейшая служба остаются за пределами повествования: мемуары завершаются отъездом из дивизии после тяжелейших боев за Ставрополь. Участие Черныша в боях не осталось без внимания: в октябре он произведен из подполковников в полковники³. Составленный 2 октября 1918 года список чинов Генерального штаба для выбора в суд чести офицеров Генштаба содержит в числе 86 фамилий и фамилию А. В. Черныша – старшего адъютанта штаба 3-й дивизии, состоящего в Добровольческой армии с 18 августа того же года⁴.

Весной 1919 года, с 19 апреля по 6 мая, Черныш состоит начальником штаба 2-й Терской казачьей дивизии. Терские части, в большинстве своем, действовали разрозненно, отдельными полками и сотнями в различных отрядах. Интересно, что начальник этой дивизии, генерал-лейтенант А. М. Николаев, в эмиграции тоже оказался в Болгарии. По состоянию на 15 июня (с исправлениями по 15 августа) 1919 года А. В. Черныш показан штаб-офицером штаба 4-го конного корпуса ВСЮР⁵. Этот конный корпус воевал в составе Кавказской армии под командованием генерала П. Н. Врангеля, которая летом 1919 года брала Царицын и отставивала его в ходе красного контрнаступления, продвигалась по Волге к Саратову с занятием Камышина. Корпусом, в составе 1-й конной и Сводно-Горской дивизий, в июле – октябре 1919 года командовал генерал С. М. Топорков, а начальником штаба был полковник М. М. Георгиевич. Это тот самый капитан Генштаба, который, будучи старшим адъютантом штаба 35-й пехотной дивизии 17-го корпуса, выручил ее в сложных обстоятельствах при растерявшихся старших начальниках во время Великой войны. Данный эпизод читатель найдет в первой части воспоминаний А. В. Черныша.

Во «врангелевском» списке офицеров-генштабистов по состоянию на 5 октября 1920 года полковник Черныш показан как «преподаватель Алексеевской юнкерской школы»⁶. Наконец, на 1 августа 1922 года Черныш числится штатным преподавателем Александровского военного училища в Болгарии. Указанный список исправлен по 1 марта 1924 года, однако по интересующей нас персоне никаких изменений он не содержит⁷. «Алексеевская школа» и «Александровское училище» – это одно и то же учебное заведение. Как видим, судьба автора оказалась с ним связана не на один год.

После образования в 1924 году Русского Общевоинского союза и до начала 1930-х годов Александровское училище представляло собой кадрированную часть в составе 1-го армейского корпуса. Офицеры последних выпусков были прикомандированы к училищу. Осенью 1925 года училище насчитывало 157 человек, в том числе 143 офицера. Последний, шестой выпуск состоялся в конце июня 1923 года в Болгарии, после чего училище как военно-учебное заведение перестало существовать. В Болгарии александровская ячейка сосредоточилась в Пернике, где осел и Черныш. Ее возглавлял генерал Любимов. На столетии училища, которое отмечалось группами александровцев в Париже, Софии и Варне, Черныш не назван, хотя празднование в Болгарии благодаря поддержке болгарских офицеров, окончивших когда-то училище, состоялось вполне торжественно. Очевидно, будучи связан по службе с училищем весьма долго, он, как неалександровец, в дружную училищную семью не влился. И написать воспоминания о многолетней службе в училище также не захотел.

---

³ Там же. С. 375.

⁴ Там же. С. 536.

⁵ Там же. С. 598.

⁶ Ганин А. В. «Мозг армии» в период «русской смуты». М., 2013. С. 736.

⁷ Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. С. 738.

В 1928–1932 годах училище издавало в Варне ежемесячный листок «Александровец»⁸. Всего вышло 55 номеров под редакцией генерала А. А. Курбатова. В 19-м выпуске (он посвящен галлиполийской жизни училища) впервые встречается имя полковника Черныша. Он показан в числе штатных преподавателей вскоре после прибытия из Крыма. Собственно, уже в Галлиполи были налажены правильные занятия. Таким образом, как офицер-генштабист Андрей Васильевич не один год посвятил преподаванию и подготовке офицеров для Русской армии. Тогда жила надежда, что Русская армия на чужбине еще пойдет в свой «весенний поход».

Осенью 1925 года Черныш числится в составе Алексеевского полка в Болгарии. На 1935 год он – председатель Общества галлиполийцев в Пернике.

Во Второй мировой войне эмиграция оказалась перед тяжелым выбором. Русский корпус – формирование белой эмиграции, которое начал явочным порядком создавать генерал М. Ф. Скородумов в Сербии в начале сентября 1941 года, для того чтобы вести его в Россию. Начало не состоялось, немцы запретили русскому формированию из эмигрантов отправляться на родину. В результате уделом корпуса стала тяжелая борьба с титовскими партизанами, а попутно защита сербского населения от хорватских усташей. История этого формирования достаточно хорошо известна, многое написали сами бывшие корпусники, среди которых представлены многие сохранившиеся в эмиграции ячейки императорских и белых полков русского Юга. В корпусе большой процент чинов был из Болгарии. Это объяснялось как географической близостью, так и политическими конфигурациями Второй мировой войны. Очевидно, А. В. Черныш вполне органично, с немалым числом окружавших его эмигрантов-соотечественников и бывших сослуживцев, оказался на своей последней воинской службе. В Русском корпусе Черныш с 1942 года преподаватель Военно-училищных курсов, на штабной работе в штабе 2-го полка.

Когда закончилась война, офицеру-ветерану было уже за 60. Он остался в Европе и скончался в австрийском Зальцбурге 27 декабря 1967 года. Известно, что был женат – очевидно, это вторая семья Черныша. Корпусники выпустили в 1963 году в США и в 1999 году в Петербурге две книги своих воспоминаний. А. В. Черныша нет среди авторов – видимо, снова за перо он не брался.

Воспоминания русского офицера Андрея Васильевича Черныша добавляют свои черты к тому портрету России и Русской императорской армии, который пишется сейчас исследовательскими и публикаторскими усилиями историков, издателей, потомков и энтузиастов.

А. Посадский

---

⁸ В «Александровце» № 25/26 генерал А. Курбатов, практически единолично ведущий это издание, скрупулезно приводит все наименования училища за сто лет: «Сиротский корпус, Александринский сиротский корпус, Александровское военное училище, 3-е военное Александровское училище, снова Александровское военное училище, Офицерские повторительные курсы Кавказской Добровольческой армии, Ейские ускоренные курсы для подготовки офицеров пехоты, Пехотная генерала М. В. Алексева юнкерская школа, Военное генерала М. В. Алексева училище и, наконец, Александровское генерала М. В. Алексева военное училище».

На фронтах Великой войны: Воспоминания. 1914–1918

Часть I

С 17-м армейским корпусом от Москвы до Сана под Перемышлем Первый период, 25 июля – 21 августа 1914 года

1. Штаб 17-го корпуса. Первое впечатление

По мобилизационному плану⁹ я числился в списках офицеров Генерального штаба¹⁰ 17-го армейского корпуса, предназначаясь на должность 1-го обер-офицера для поручений. Мобилизация застала меня командующим ротой 141-го полка Можайского, моего родного полка. Я отбывал ценз командования¹¹ по закону для причисленных к Генеральному штабу обер-офицеров. На второй же день мобилизации, 19 июля¹², я сдал роту и получил предписание отправиться к месту назначения в штаб 17-го армейского корпуса. А еще через два дня я уже был в Москве в этом штабе и представился новому начальству. Это крупное сравнительно учреждение я нашел где-то, кажется, на Арбате (Москву я плохо знаю), в весьма скромном на вид и по размерам домике. И все в этом домике оказалось простым и скромным. Командир корпуса, генерал от инфантерии (генерального штаба) Яковлев¹³ – старик с седой бородой и такими же большими усами, бодрый, высокий, несколько худощавый, весьма представительный, с добрым, располагающим выражением на лице, произвел на меня приятное впечатление. И в самом деле, генерал Яковлев была типичная русская натура: добрый, весьма доступный для самого последнего солдата, отзывчивый, справедливый, спокойный, в меру строгий. А умение его разговаривать с солдатом на простом, понятном всякому простолюдину языке делало командира корпуса весьма популярным в среде подчиненных ему войск, особенно солдатской массы. До сих пор помню хорошо то впечатление, которое произвела на солдат, в подавляющей массе запасных, сказанная им в Москве речь после молебна на сборном пункте частей штаба корпуса и приданных к нему учреждений перед посадкой для отправления на театр войны. Простая, вышедшая от чуткого русского сердца речь произвела на солдат хорошее, самое нужное в те серьезные моменты впечатление. Слов ее не помню сейчас, говорилось о серьезности пережи-

---

⁹ На начало войны действовал план стратегического развертывания, принятый в мае 1912 г.

¹⁰ Офицеры Генерального штаба – то есть офицеры, окончившие Императорскую Николаевскую академию Генерального штаба. Предназначались для занятия штабных должностей, состояли на отдельном учете.

¹¹ Для офицеров, причисленных к Генеральному штабу, полагалось отбыть т. н. ценз строевой службы – командование в течение года ротой.

¹² По юлианскому календарю.

¹³ Яковлев Петр Петрович (1852 – после 1917). Окончил Межевой корпус. На службе с 08.1869. Окончил 3-е военное Александровское училище (1871); выпущен прапорщиком в 1-ю арт. бригаду. Капитан (1878). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1881). На штабных должностях. Полковник (1886). Старший адъютант штаба Московского ВО (12.1886–11.1888). Нач. штаба 18-й (11.1888–03.1892) и 35-й (03.1892–06.1896) пех. див. Командир 7-го гренадерского полка (06.1895–03.1898). Нач. штаба 17-го арм. корпуса (03.1898–07.1901). Ген. – майор (1898). Начальник Московского военного училища (07.1901–10.1903). Начальник Александровского военного училища (10.1903–06.1905). Ген. – лейтенант в 1904-м. Начальник 3-й гренадерской див. (06.1905–04.1909). 15.04.1909 назначен командиром 17-го арм. корпуса. Ген. от инфантерии (1910). Участник ПМВ. В 08.1914 поручено командование южной группой корпусов 5-й армии. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (04.08.1916) за прорыв фронта противника под Сопановом 22.05–03.06.1916. После Февральской революции отстранен от должности и 02.04.1917 зачислен в резерв чинов при штабе Киевского ВО. 14.07.1917 уволен со службы по болезни с правом ношения мундира и пенсией. Дальнейшая судьба неизвестна.

ваемого родиной времени, о том, что настал час доказать каждому из нас на деле, что мы действительно готовы принести в жертву самое дорогое для человека, свою жизнь – «За веру, царя и отечество», что эту готовность жертвовать собою равным образом можно проявить и в самых передовых боевых линиях, и в обозе. А слушающие как раз были в подавляющей массе из этой последней категории. Мы, группа офицеров, ясно слышали невольно вырывавшиеся у многих солдат-запасных слова одобрения по поводу сказанного командиром корпуса и симпатии по его адресу.

К сожалению, – я это произношу с особой скорбью, досадой даже, – генерал Яковлев это свое, скажу прямо, самое крупное качество, – бодрить войска, вливать в них дух и энергию и просто благотворно действовать на них одним лишь своим видом – использовал весьма редко в боевой страде войск корпуса с ее бескрайней многогранностью всевозможных переживаний.

Как боевой начальник, водитель войск корпуса, генерал Яковлев оставлял желать многого, о чем скажу впоследствии.

Недурное впечатление на меня произвели и офицеры штаба, как генерального штаба, так и других отделений штаба. Несколько иное я вынес из знакомства со своим новым непосредственным начальником, начальником штаба. Генерал-майор Стремоухов¹⁴ был не менее добр, чем командир корпуса, но нервный, суетливый, он дергал всех и создавал иногда тем в штабе неприятную, тяжелую для работы атмосферу. В первые же месяцы войны (о чем еще буду говорить в своем месте) его нервозность, суетливость и характерно-паническое иногда выражение на лице сильно докучали нам и создали в штабе не один анекдот про него. Этому, как нарочно, способствовала и наружность генерала Стремоухова. Ниже среднего роста, сухощавый, сутулый, с типичным лицом жидка, он и в характере имел что-то от этого «симпатичного» племени.

До 25 июля, когда штаб сел в поезд, чтобы ехать на войну, особой деятельности в штабе не было. Больше других работала «инспекторская часть». Мы, генерального штаба, подготавливали карты театра (нашего театра) войны. Немало-таки было с ними возни, пока мы их рассортировали. Заготавливали различные практичные, по последнему слову техники по этой части, блокноты и блокнотики для приказов и распоряжений. Лично я, кроме того, занялся организацией и снабжением техническими средствами будущей команды связи штаба корпуса, так как начальник штаба имел в виду возложить на меня вообще ведение службой связи в корпусе. Купили мы одну мотоциклетку. Я первый поехал на ней еще в Москве и первый же ее повредил, потерпев на ней аварию публично на улице, у Михайловского манежа¹⁵. Повреждение было, однако, любезно исправлено фирмой, отпустившей нам мотоцикл. Впоследствии на фронте он служил хорошо и весьма полезно. Личный состав связи, однако, собирался слабо. Лишь 17-й саперный батальон выслал потребное число солдат-специалистов. Полки же корпуса людей, которые от них требовались, не присылали, и я получил их лишь в пути, при следовании в

---

¹⁴ *Стремоухов* Николай Петрович (1861–1938). На службе с 09.1878. Окончил Пажеский корпус (1880), выпущен прапорщиком в Лейб-гвардии Егерский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1888). На штабных должностях. Полковник (1897). Нач. штаба 27-й пех. див. (01.1901–04.1903). Командир 174-го пех. Роменского полка (04.1903–09.1906). Участник Русско-японской войны 1904–05. Ген. – майор (1906). Ген. для особых поручений при командующем войсками Иркутского ВО (09.1906–06.1909). Нач. штаба 17-го арм. корпуса (06.1909–10.1914). Участник ПМВ. Кавалер Георгиевского оружия (06.01.1915). Командующий 17-й пех. див. (10.1914–1915). Ген. – лейт. (22.01.1915) с утверждением в должности. Нач. штаба 7-й армии (05.1915–10.1915). Состоял в распоряжении главноком. армиями Юго-Западного фронта (с 10.1915). Командир 34-й пех. див. (03.1916–09.1917). Отчислен от должности по болезни с назначением в резерв чинов при штабе Одесского ВО (09.1917). Уволен со службы 08.10.1917 с правом ношения мундира и пенсией. Участник Белого движения на Юге. В 1918 в резерве чинов при штабе Добровольческой армии. С конца 1918 по 1920 – председатель контрольной комиссии Комитета содействия ВСЮР. В эмиграции в Югославии, служил в Военном министерстве в Загребе.

¹⁵ Михайловский манеж находится в Петербурге. Очевидно, имеется в виду московский Манеж постройки 1817 г. близ Кремля.

Ковель¹⁶, куда наш корпус направлялся, когда мы встречались по дороге с эшелонами своих полков.

2. Отъезд на фронт. В пути

25 июля около пяти часов эшелон штаба корпуса, напутствуемый пожеланиями собравшихся проводить многих москвичей, тронулся «на боевой фронт». Настроение всех было серьезно-приподнятое. Каждый, вероятно, из нас отдавал себе отчет, что предстоит впереди нечто чрезвычайно важное и грозное, но была сильна вера в свои силы и уверенность, что мы, русские (невольно вспоминались слова гениального русского полководца А. В. Суворова: «Помилуй Бог! мы – русские»), с такой стихией поднимающиеся «на врага», все преодолеем.

В подмосковном районе, пока мы проезжали бесчисленные дачные поселения, переполненные жителями главным образом из интеллигентной среды, овациям и приветственным в честь нас кликам не было конца.

Наутро прибыли в Вязьму, где стояли сравнительно долго. Здесь квартировал наш 17-й мортирный артиллерийский дивизион, уже также готовящийся к отъезду на фронт с нами. От него мы получили партию лошадей верхового типа для офицеров штаба. Я получил отличную молодую кобылицу. Лошади эти были поставлены в дивизион по военно-конской повинности.

В дальнейшем пути мы стали переплетаться с эшелонами войск корпуса, различными частями 3-й и 35-й дивизий. Во время этих встреч я и пополнил телефонную команду штаба до нормы штата получением солдат из полков. Многие из этих «специалистов» вовсе не были знакомы с телефонами. Пришлось несколько раз в пути на продолжительных стоянках вывести команду на свободное пространство вблизи остановок эшелона и знакомить ее со службой телефонной связи.

Раза два собирал нас, офицеров генерального штаба (по штату таковых полагалось четыре: штаб-офицер для поручений, старший адъютант и два обер-офицера для поручений; первым был подполковник Головинский¹⁷, вторым – капитан Громыко¹⁸ и последними двумя – я и штаб-ротмистр Хольд; мы двое были тогда еще причисленными к генеральному штабу), начальник штаба корпуса и знакомил нас с нашей службой, с распределением между нами главных ролей. Я окончательно получил назначение ведать связью в корпусе, а мой друг Хольд – разведкой.

В Бресте я встретил друзей и знакомых по гарнизону г. Орла, звенигородцев. От них я узнал, что 13-й армейский корпус¹⁹ и, значит, мой родной полк, 141-й Можайский, направля-

¹⁶ Ковель – древний город на Волыни, известен с IX в. В 1914 г. уездный город Волынской губернии. Известен ожесточенными боями в его окрестностях в гг. ПМВ. Ныне в составе Украины.

¹⁷ *Головинский* Алексей Васильевич (?—?). Окончил Академию Генерального штаба (1902). На 01.01.1909 капитан, младший офицер Александровского военного училища. На 06.04.1914 ротный командир того же училища. Полковник (06.04.1914) с переводом в 91-й пех. Двинский полк. Участник ПМВ. Командир батальона того же полка (1914–01.1915). Командир 138-го пех. Болховского полка (24.01.1915–24.04.1917). Кавалер Георгиевского оружия (07.02.1916) и ордена Св. Георгия 4-й ст. (02.12.1916). Командующий бригадой 35-й пех. див. с 24.04.1917. Ген. – майор (1917) с утверждением в должности. В РККА. Нач. штаба Самарского укрепрайона (4 мес.); помначальника упрформа Туркестанского фронта (1 мес.); инспектор ВУЗ там же (4 мес.); заведующий обучающимися Военной академии (8 мес.). Пом. начальника адм. управления полевого штаба РВСР (9 мес.). Для особых поручений при военной инспекции штаба РККА (с 10.05.1921). Штатный групповой лектор Военной академии РККА. На 01.03.1923 руководитель практическими занятиями по администрации Военной академии.

¹⁸ *Громыко* Иван Ильич (1878–1969). Окончил Полоцкую учительскую семинарию. На службе с 08.1902. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1905). Выпущен подпоручиком в 1-й Финляндский стрелк. полк. Окончил Николаевскую военную академию (1911). Штабс-капитан (1911), капитан (1913). Старший адъютант штаба 17-го арм. корпуса (с 19.05.1914). Участник ПМВ. С 06.1915 – и. д. пом. начальника отделения управления ген. – квартирмейстера штаба главноком. армиями Юго-Западного фронта. Подполковник (10.04.1916), и. д. начальника того же отделения. Полковник (15.08.1917). Участник Белого движения на Юге. На 24.08.1919 врем. и. д. начальника общего отделения отдела дежурного Ген. штаба Добровольческой армии. В эмиграции в США. Умер в Сан-Франциско.

¹⁹ Состоял из 1-й и 36-й пех. див.; погиб в Восточной Пруссии при катастрофе 2-й армии, впоследствии восстановлен.

ются в район Ломжа – Остроленка²⁰. Пока мы стояли на ст. Брест, через нее в разных направлениях прошла масса войсковых эшелонов самых разных частей. Мы не могли не удивиться такому колоссальному передвижению войск, которое, как потом мы осведомлялись у некоторых комендантов станций, протекало гладко, по мобилизационному плану. И невольно чувствовалась в этих грандиозных потоках десятков и сотен тысяч людей, направлявшихся в разные стороны, встречающихся и переплетающихся на первый взгляд в хаотическом беспорядке, а на самом деле – в строгом расписании или, по-железнодорожному – по «графикам», необъяснимая, скрытая пока мощь Российской Императорской армии.

С Бреста на более-менее крупных станциях уже можно было почитать в местных газетах известия о первых боевых столкновениях и стычках кавалерийских частей противных сторон. Эти сведения относились главным образом к Галицийскому театру, нашему фронту. Мы, конечно, с жадностью набрасывались на эти газеты. А подъезжая к Ковелю, 29 июля, мы уже слышали о лихих набегах некоторых наших конных частей вглубь неприятельской территории, в Галиции.

3. В Ковеле

29 июля мы прибыли в Ковель, район которого был назначен для сосредоточения нашего корпуса. Штаб занял для себя одну из прогимназий²¹. Здесь мы раскинулись уже по-боевому, и все отделения штаба заработали. Постепенно мы осознавали положение нашего корпуса, соседей и намечающуюся боевую цель. Здесь впервые мы получили от штаба 5-й армии²² из Бреста руководящие распоряжения и приказы, которые осведомили нас, что мы входим 4-м, левофланговым корпусом в состав 5-й армии, сосредоточивающейся на фронте Холм – Ковель. Наш непосредственный сосед справа, 5-й армейский корпус, сосредоточивался в районе м. Мацтов (25 верст западнее Ковеля). Слева до соседа был большой промежуток в 60 верст. Тут, в районе Луцка, сосредоточивался 21-й армейский корпус, входивший в состав 3-й армии. Наше сосредоточение протекало гладко и довольно быстро. Оно прикрывалось конницей 7-й и Сводной (впоследствии 16-й) кавалерийской дивизий. Первой командовал генерал Тюлин²³, второй – генерал А. Драгомиров²⁴.

²⁰ Ломжинская губерния в восточной части Царства Польского; Остроленка – уездный центр.

²¹ Прогимназия – общеобразовательное учреждение в Российской империи с программой 4-классного училища, что соответствовало четырем младшим классам гимназии; учреждены в 1864 г., делились на мужские, женские и военные.

²² В составе 5-го, 17-го, 19-го, 25-го корпусов.

²³ *Тюлин* Михаил Степанович (1862–1935). Окончил 3-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию. На службе с 09.1879. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1881), выпущен корнетом в Лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1889). На штабных и административных должностях. Начальник Новочеркасского казачьего юнкерского училища (08.1899–05.1903). Начальник Тверского кавалерийского юнкерского училища (05.1903–12.1904). Окружной дежурный Ген. штаба Московского ВО (12.1904–08.1908). Ген. – майор (1905). Командир 2-й бригады 1-й кав. див. (08.1908–05.1912). Ген. – лейтенант (1912). Начальник 7-й кав. див. (штаб во Владимире-Вольнском) (05.1912). Участник ПМВ. С 11.1914 начальник 2-й Кубанской казачьей див. Кавалер Георгиевского оружия за бои лета 1914 (23.04.1915). 17.09.1915 назначен оренбургским губернатором и наказным атаманом Оренбургского казачьего войска. После Февральской революции отстранен от должности и 17.03.1917 зачислен в резерв чинов при штабе Кавказского, а 26.04.1917 – Московского ВО. Ген. от кавалерии (02.10.1917). 02.10.1917 уволен со службы по болезни с правом ношения мундира и пенсией. В РККА. В Комиссии по разработке кавалерийских уставов при Организационном управлении Всероглаштаба (с 17.01.1919). В списке Генштаба РККА от 07.08.1920. С 16.01.1922 штатный преподаватель Военной академии РККА. В 1930 преподавал в Тимирязевской академии. Автор неопубликованных воспоминаний «Записки для моих детей и внуков».

²⁴ *Драгомиров* Абрам Михайлович (1868–1955). На службе с 10.1885. Окончил Пажеский корпус (1887); выпущен подпоручиком в Лейб-гвардии Семеновский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1893). На штабных должностях. Полковник (1902), ген. – майор (1912). Командовал кав. бригадами. Участник ПМВ. Вступил в войну начальником 2-й отдельной кав. бригады. Ген. – лейтенант (1914) за отличие. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (25.09.1914) и 3-й ст. (08.02.1915). С 12.1914 – начальник 16-й кав. див. (развернутой из 2-й отд. кав. бр.). С 04.1915 командир 9-го арм. корпуса. Ген. от кавалерии (13.08.1916). С 08.1916 командующий 5-й армией. Главноком. армиями Северного фронта (с 29.04.1917). Снят с должности после резкой оценки Декларации прав военнослужащих. В распоряжении военного министра (с 31.05.1917).

Эшелоны войск корпуса непрерывно прибывали и по высадке направлялись: части 3-й дивизии – в район юго-западнее Ковеля, 35-й дивизии – юго-восточнее Ковеля. Квартировавшие в Ковеле части 17-й дивизии ушли на присоединение к своей дивизии, в район западнее Грубешова²⁵, где сосредоточивался 19-й армейский корпус.

Работа наша в штабе шла спокойно и состояла главным образом в учете прибывающих частей корпуса, направлении их к отведенным им местам и установлении с ними связи. Для связи с дивизиями проведены были телефонные линии, для ординарческой службы и легкой почты был придан штабу один эскадрон 7-го драгунского Кинбурнского полка (ротмистр Стреха). Все шло в общем довольно гладко, кроме, впрочем, связи со штабом армии, сначала из-за передвижения его в Холм, а потом – еще не освоились с пользованием проводами правительственного телеграфа, да и отделение наше почтово-телеграфное прибыло только почти накануне выступления корпуса. Выручала приданная корпусу радиостанция искрового телеграфа²⁶.

Состав корпуса определился: 3-я, 35-я и 61-я пехотные дивизии, 17-й мортирный армейский дивизион, 42-й Донской казачий полк, 17-й саперный батальон и 17-й авиаотряд. Ожидался и второй – 29-й мортирный дивизион и один тяжелый скорострельный. 61-я пехотная дивизия, как второочередная, равно как и 42-й Донской полк и 29 мортирный дивизион, также второочередной – запаздывали своим сосредоточением.

Сведений о противнике не было почти никаких. Кое-что мы знали от раненых 7-й кавалерийской дивизии о ее столкновениях с австрийской конницей и небольшими пехотными частями, главным образом из числа пограничного ландштурма, о захвате города Сокаля и уничтожении здесь железнодорожной станции и моста через Буг. О крупных войсковых соединениях, их передвижениях ничего не было еще известно, хотя, как потом мы узнали, Сводная кавалерийская дивизия генерала Драгомирова проникала очень глубоко в Галицию, чуть не до самого Львова.

3 августа, наконец, несколько неожиданно, противник обнаружил себя под самым Владимир-Волынском. То была кавалерийская дивизия венгерская, поддержанная пехотой и артиллерией. Она давала реванш за разгром нами Сокаля и рейд Сводной кавалерийской дивизии вглубь Галиции, который имел результатом порчу и погром многих важных в военном отношении сооружений, в том числе моста чрез р. Буг у г. Камийонка²⁷. Но об этих подробностях мы узнали, конечно, много спустя. А тогда нам сообщали, что большие массы конницы, поддержанные пехотой и артиллерией, атакуют Владимир-Волыньск. В городе, как полагается для обывателя, густо запроваженное к тому же жидовой, поднялась паника, которая не без влияния осталась и на коменданта ст.

Владимир-Волыньск. Он считал момент критическим и, истолковав в пользу своего самочувствия данные ему начальством инструкции, начал взрывать железнодорожные сооружения, еще более усугубив тем тревогу в городе. Однако находившаяся в городе значительная часть квартировавшего здесь 67-го лейб-Бородинского полка²⁸, которая еще не ушла на присоеди-

---

В конце 1917 уехал на Дон. Активный участник Белого движения на Юге. 2-й заместитель председателя Особого совещания и помощник Верховного руководителя Добровольческой армии (08–10.1918), председатель Особого совещания (10.1918–09.1919). Летом 1919 вел в Париже переговоры с правительствами А. В. Колчака и стран Антанты о помощи Югу России. Командующий войсками Киевской обл. (09–12.1919). С 02.01.1920 состоял в распоряжении главноком. ВСЮР. В 03.1920 состоял председателем Военного совета по выборам нового главноком. В Русской армии. 04.09.1920 назначен председателем Комитета ордена Св. Николая Чудотворца. В 1920–1924 генерал для поручений при главноком. Русской армии. В эмиграции в Сербии и во Франции. Активный чин РОВС; в 1924–1939 генерал для поручений при председателе РОВС. Во время ВМВ выступал в поддержку движения ген. А. А. Власова и в начале 1945 был назначен в резерв чинов при штабе РОА. Умер во Франции.

²⁵ Грубешов – уездный город Люблинской губернии в Царстве Польском, на реке Гучве.

²⁶ Радиотелеграф, т. е. радиостанция.

²⁷ Камийонка-Струмиллова – местечко в Галиции, Австро-Венгерская империя.

²⁸ Автор неточен: 68-й Бородинский лейб-пехотный императора Александра III полк. Сформирован в 1813 г. В ПМВ в

нение к дивизии в район Холма, сохранила полное присутствие духа и спокойствие. Заняв окопы, подготовленные для такого, предвиденного заранее, случая, выдержанным пулеметным и ружейным огнем блестяще лейб-бородинцы отбивали атаки венгров, упрямо лезших в конном строю на город. Впрочем, и об этих деталях мы узнали потом. А тогда, не зная, что скрывается за неприятельской конницей и каковы намерения противника, мы встревожились до некоторой степени. Корпус еще не совсем собрался. Начальник штаба засуетился и занервничал. Обстановка требовала решения. Но оно как-то туго рождалось. Помогло полученное новое сообщение из Владимир-Волынска от командира лейб-бородинцев о том, что попытки противника овладеть городом пока окончились для него неудачно, но что весьма желательно прибытие в Владимир-Волынь артиллерии. Тогда немедленно было приказано начальнику 3-й дивизии выслать во Владимир-Волынь бригаду пехоты с дивизионом артиллерии. Бригада под командой помощника начальника дивизии, генерал-майора Осипова²⁹ по железной дороге отправилась во Владимир-Волынь. Прибыла она туда, когда потерпевший неудачу противник так же быстро исчез, как и появился. Нервность у нас в штабе миновала, наступило спокойствие.

4. Начало марш-маневра

4 августа мы получили приказ о наступлении в направлении на Владимир-Волынь. Первоначальной целью марша ставилось подравнение корпусов армии и занятие ею исходного положения для предстоящего наступления.

К вечеру мы написали приказ по корпусу за № 1 о движении двумя колоннами, подивизионно: 3-я пехотная дивизия – по большаку на Владимир-Волынь, 35-я – восточнее железной дороги, по дороге на с. Муличов. С утра 5-го все двинулось вперед. Впервые увидел, что из себя представляет штаб корпуса на походе, на войне. Это весьма громоздкое учреждение: большой обоз, в котором ехали корпусное казначейство, контроль, корпусной суд, почтово-телеграфное отделение. Это последнее особенно резко врезалось мне в память картинностью своего путешествия за штабом. Его начальник, почтенный седовласый типичный русский старичок – с белой бородой, суетливый, с визгливым голосом, – всегда торжественно восседал наверху сильно нагруженной различной кладью настоящей русской телеги, запряженной тройкой лошадей; недоставало только бубенцов. Телега эта – единственная во всем корпусе – самым аккуратным образом следовала в голове обоза и норовила держаться вслед за командиром корпуса, вопреки тщетным усилиям начальника обоза поставить ее в колонну повозок на соответствующее место. Командир корпуса и весь штаб корпуса были верхом. Это была громадная группа всадников, сопровождаемая конвойной казачьей сотней. Как в обозе обращал на себя внимание начальник почтово-телеграфного отделения, так в группе всадников – прокурор корпусного суда, полковник военно-судебного корпуса офицеров (фамилию его я забыл). Из всего состава суда он неизменно ехал за командиром корпуса должным образом подконьяченный и с неизменной флягой с коньяком. Два автомобиля штаба следовали пустыми.

Перед выступлением штаба корпуса по поручению начальника штаба я лично отнес на Ковельскую почтово-телеграфную контору секретный пакет с экземпляром приказа по корпусу о движении 5 августа (№ 1) и сдал его заказным письмом. Когда мы вышли на Владимир-Волыньский большак, а город остался верстах в двух позади нас, начальник штаба, тревожно спохватившись, подозвал меня и приказал мне немедленно сесть на автомобиль и

17-й пех. див. 19-го арм. корпуса. За указанный бой получил Высочайшую благодарность.

²⁹ *Осипов Евгений Матвеевич* (1859–?). На службе с 09.1878. Окончил 2-е военное Константиновское училище (1880), выпущен подпоручиком, переведен в гвардию. Капитан (1897), полковник (1903). Командир 10-го пех. Новоингерманландского полка (03.1908–04.1914). Ген. – майор (1913). Командир 2-й бригады 7-й пех. див. (04.1914). Командир бригады 3-й пех. див., командующий 3-й Заамурской пограничной пех. див. (03.1916). Ген. – лейтенант (20.10.1916).

мчаться возможно скорее назад, в город, на почту и взять обратно пакет с приказом. Мысль, что отправленный по почте пакет может попасть в руки врага, неожиданно стала его мучить и до крайности угнетать.

Сев в автомобиль, я «помчался», но не очень. «Большак» представлял море песка. Автомобиль вяз, завязал и с трудом вылезал. Много я исколесил пространства, обходя большак далеко стороною. Но и тут не повезло: завязли в топкое место. Долго безуспешно возились, форсируя до предела мотор, пока не подъехала случайная повозка, запряженная парюю волов. Моментально запрягли мы волов в автомобиль и соединенные усилия волов и мотора автомобиля вытащили. Дальше поехали без задержек. По счастью, пакет с приказом – заказное письмо – не был еще отправлен, и я взял его обратно. Догнал я штаб корпуса в момент прихода его на ночлег в м. Турийск. Начальник штаба еще не слезал с лошади. Заметив меня издали, он тревожно насторожился, и, когда я, подойдя к нему, протянул руку с пакетом, он облегченно глубоко вздохнул и сказал: «Ну, слава богу! Вы знаете, я близок был к этому». И показал рукою на кобуру с револьвером.

Когда потом я рассказал об этом офицерам штаба, все удивились такой нервозности начальника штаба и пожалели очень, что он уже так нервничает, что в будущем неизбежно должно было неблагоприятно отразиться на работе штаба и далее – на действиях войск корпуса.

На 6 августа по директиве штаба армии мы должны были продолжать движение. Для писания приказа вечером 5-го в Турийске сели за стол все с командиром корпуса во главе и стали выработать содержание и редакцию приказа. Писал приказ подполковник Головинский, мы же все принимали участие в обсуждении того, что надо написать. Понятно, что при таком способе составления приказа возникали споры и бесконечные разговоры, потому что каждому хотелось торжества его предложения или замечания, поправки; время уходило, войска оставались долго без распоряжений, а эти последние выходили поздно и далеко не в совершенной форме как плод коллегиального творчества. Помню, что в Турийске долго не приходили к окончательному решению по вопросу, оставлять ли на переправе через р. Турию по большой дороге на Владимир-Волыньск на втором переходе роту пехоты для охраны моста или не оставлять? Мнения разделились поровну. В конце концов, мы, молодежь, уступили мнению командира корпуса, и рота с пулеметами и несколькими казаками была назначена, хотя мы остались в убеждении, что эту роту надо считать погибшей для первых боев и вообще надолго. Так оно потом и оказалось. Командир 12-го Великолуцкого полка очень долго и тщетно старался присоединить эту роту к полку: она сделалась какой-то неуловимой.

Должен заметить, что решение оставить роту для обеспечения моста подкреплялось до некоторой степени тем, что в этом районе среди польского населения было много враждебного нам элемента и были сведения об организации польских легионов и партий для партизанских против нас действий. Этим сведениям придавалось излишне много значения и уделялось внимания. Разговоры о польских легионах³⁰, пущенные в обиход едва ли не из штабов, плели на все лады, особенно когда они возникали в солдатской среде. В результате создалась какая-то почти тревожная у войск настороженность, что будто во всякий момент поляки-легионеры могут причинить какую-либо неприятность. Эта настороженность и была причиной возникшей 6 августа на походе в 3-й дивизии, а именно в 9-м Ингерманландском полку, легкой паники.

С рассветом дивизии в том же порядке двинулись дальше: 3-я – снова по большой дороге, 35-я – на с. Туличов – д. Осса – с. Свойчов – Хобултов.

---

³⁰ Польские легионы действительно существовали при австро-венгерской армии; 16 августа 1914 г. по инициативе Ю. Пилсудского был объявлен набор; в результате в трех легионерских бригадах сражалось 15–18 тысяч человек. Заметного отклика в польском населении это начинание не имело.

Близ с. Солович на рассвете в колонне 9-го Ингерманландского полка раздалось несколько выстрелов. И вмиг по колонне разнеслось, что напали «легионеры», которых никто, впрочем, так и не видел. Произошло замешательство, некоторые солдаты, сбрасывая снаряжение, побежали, их примеру последовали и несколько повозок. Но скоро усилиями начальствующих лиц все приведено было в порядок, и дальнейшее движение продолжалось спокойно.

На ночлег колонны остановились: 3-я дивизия – в районе с. Верба – Охновка, 35-я – в районе с. Гнойно – Свойчов. Штаб корпуса стал в господском дворе, в с. Верба.

О дальнейшем движении распоряжений из штаба армии не было, и корпус в таком положении простоял два дня. Связь со штабом армии была установлена по железнодорожному телеграфу от ст. Овадно. Во Владимир-Волынске было спокойно. Вошли в связь с 7-й кавалерийской дивизией в районе Владимир-Волыньска. От высланных штабом корпуса разъездов (драгуны-кинбурнцы ротмистра Стрехи) стали поступать сведения о присутствии каких-то крупных сил противника к югу от Владимир-Волыньска, в районе с. Грибовица – Калушов, которые якобы укрепляют там позиции. Этим донесениям мы не давали полной веры, так как разъезды наши были не «интеллигентные», унтер-офицерские. Тем не менее представлялось необходимым проверить полученные сведения, дабы не идти вслепую. В Вербу был приглашен начальник 7-й кавалерийской дивизии, генерал Тюлин, и командир корпуса лично его просил обследовать район к югу от Владимир-Волыньска и очистить его от возможных неприятельских разведывательных частей. На другой день это и было исполнено. Никаких «крупных сил противника» нигде обнаружено не было. Но, исполнив это поручение, 7-я кавалерийская дивизия, к нашей досаде, почему-то отскочила к району с. Киселин, и таким образом снова фронт корпуса остался без должного освещения. Конницы же у нас не было, кроме назначенного нам второочередного 42-го Донского полка, но он еще не прибывал к корпусу.

В Вербе, в день прибытия еще раз и последний – больше никогда этот вопрос не выступал на сцену – много разговаривали о «польских легионах»: снова поступили сведения от местных жителей и частей 5-го корпуса, что в лесах, что к северо-западу от Владимир-Волыньска, скрывается много польских легионеров. Был выслан батальон пехоты с артиллерией от 3-й дивизии для обследования и очистки лесов в районе немецких колоний, что в пяти верстах западнее с. Верба.

На другой день к вечеру 7 августа батальон вернулся, нигде никого не встретив.

5. Приказ по армии о дальнейшем наступлении и его целях. Исполнение

В Вербе 8 августа мы получили директиву штаба армии о наступлении армии. Ею предписывалось наступать и атаковать противника, который будет встречен на пути, при этом левый фланг армии, то есть наш 17-й корпус, должен был держаться в общем направлении на г. Жолкиев³¹. 7-я кавалерийская дивизия должна была, обеспечивая левый фланг армии, быть связью с правым флангом нашей 3-й армии.

На другой день мы выступили в том же порядке, спокойно и ночевали в районе южнее и юго-восточнее Владимир-Волыньска. Штаб корпуса ночевал в этом последнем у западного выхода по шоссе на м. Устилуг³². При проходе через город 3-я пехотная дивизия переплелась с частями 10-й пехотной дивизии 5-го корпуса, которая через Владимир-Волыньск шла в с. Пятыдни.

³¹ Город в Галиции недалеко от Львова, основан в XVI в. гетманом Жолкевским.

³² Селение под г. Владимир-Волыньский Волыньской губернии. Имение Стравинских, куда регулярно летом приезжал композитор И. Ф. Стравинский.

Вечером в штаб корпуса явился генерал-майор Орлов³³, помощник начальника 61-й пехотной дивизии, и доложил командиру корпуса о прибытии в город по железной дороге двух полков 61-й пехотной дивизии, которые мы, впрочем, уже видели, когда входили в город; они занимали казармы квартировавших во Владимир-Волынске частей 17-й пехотной и 7-й кавалерийской дивизий. Связь с генералом Орловым тотчас же была установлена по телефону.

10 августа движение продолжалось: 3-я п. дивизия – по большаку на с. Грибовица, 35-я дивизия – по дороге на с. Бубнов, Иваниче. Штаб корпуса следовал за 3-й дивизией. Все шло мирным порядком; о противнике не было никаких сведений.

Ночевали: 3-я дивизия и штаб корпуса – в с. Грибовица, 35-я – в районе с. Иваниче. К вечеру в с. Мышов подошла и голова бригады 61-й пехотной дивизии.

В Грибовице, когда мы уже разослали войскам корпуса распоряжения о продолжении марша на 11 августа, был получен приказ о приостановке дальнейшего движения. Спавший уже генеральный штаб и командир корпуса были подняты, и снова началась спешная рассылка приказаний об отмене приказа. Потом постепенно все улеглось опять. Лишь я бодрствовал, следя за рассылкой распоряжений. Но не прошло и двух часов после рассылки «контр-ордра», как получен был новый «ордр», отменявший «контр-ордр» и предписывающий продолжать марш. Второй подъем начальства и генштаба и новые распоряжения об исполнении первоначального приказа о движении 11 августа. Когда я разослал их, уже приближался рассвет. Так мне почти и не удалось в эту ночь прилечь отдохнуть. Причина таких перемен распоряжений так и осталась для нас не совсем выясненной, тем более что никаких боевых столкновений армии еще не было.

Несмотря, однако, на последовавшие в течение ночи «ордры» и «контр-ордры», никакого «безордра» не произошло благодаря ночному бодрствованию и работе штаба. Войска выступили с ночлега своевременно. Часам к трем дня 3-я дивизия, а за нею и мы подошли к р. Бугу у д. Джарки. За Бугом перед нами простиралась, насколько глаз хватал, Галиция – неприятельская территория, но никакого неприятеля все еще не было. А обнаруженная и быстро исчезнувшая на левом берегу какая-то партия противника, вероятно, принадлежавшая к ландштурму, не вызвала к себе нашего внимания.

Авангард 3-й пехотной дивизии – 9-й Ингерманландский полк полковника Карнаухова³⁴ (генерального штаба, мой преподаватель по Тифлисскому юнкерскому училищу³⁵), тотчас начал переправу на сколоченных из подручного материала плотках. Но операция эта происходила медленно из-за слабой грузоподъемности плотов.

Размеры реки были средние, ширина до 25–30 сажень, бродов поблизости не было. Наш берег был возвышенный и сильно командовал над плоским и низким австрийским берегом.

³³ Орлов Александр Васильевич (1862–1914). Окончил Симбирский кадетский корпус. На службе с 09.1883. Окончил 2-е военное Константиновское училище (1884); выпущен подпоручиком в 79-й пех. Куринский полк. Офицер-воспитатель Донского кадетского корпуса в течение почти 8 лет. Полковник (1903). Командир 238-го Клязьминского резервного батальона (02–12.1904). Командир 238-го пех. Клязьминского полка (12.1904–05.1905). Командир 115-го пех. Вяземского полка (05.1905–06.1912). Ген. – майор (1912), за отличие. С 06.1912 командир 2-й бригады 25-й пех. див. Участник ПМВ. Командир бригады 61-й пех. див. Погиб в ходе неудачных боев 17-го арм. корпуса под Ивангородом. Похоронен в Петрограде.

³⁴ Карнаухов Михаил Михайлович (1867–1918). Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. На службе с 08.1886. Окончил 3-е военное Александровское училище (1888); выпущен в 159-й пех. Гурийский полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1897). Штабс-капитан (19.05.1897). На штабных должностях в Туркестанском и Кавказском ВО. Нач. штаба 1-й Кавказской стрелк. бригады (06.1908–05.1913). Командир 9-го пех. Ингерманландского полка (с 13.05.1913), с которым вышел на войну. Участник ПМВ. Кавалер Георгиевского оружия (09.03.1915). Ген. – майор (1915) за отличия. Нач. штаба 41-го армейского корпуса (09.1915–04.1916). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (01.03.1916). Начальник снабжения Кавказской армии (с 20.06.1916). Командующий 39-й пех. див. (08–10.1917). Состоял в резерве чинов при штабе Кавказского ВО с 10.1917. Погиб в 1918 в Тифлисе.

³⁵ Существовало в 1866–1921 гг. Имело двухгодичный курс обучения, с 1901 г. – трехгодичный. В гг. ПМВ выпускало прапорщиков по ускоренной программе.

Передовые части ингерманландцев разошлись веером для прикрытия переправы прочих войск и продвинулись вперед к с. Войславице.

Командиру 17-го саперного батальона полковнику Исакову³⁶ (он же корпусный инженер), чрезвычайно энергичному, имевшему несколько таких же энергичных помощников из числа офицеров своего батальона, было приказано приступить немедленно к постройке постоянного моста через Буг и упорядочить технически, с целью ускорения, переправу авангарда 3-й дивизии. Нечего и говорить, что у полковника Исакова дело закипело. Мы с высокого берега из д. Джарки любовались работой саперов. Весь берег кишел ими, точно муравьями. Весь двуклоный обоз батальона оживленным аллюром и в каком-то прямо красивом порядке засновал по берегу взад-вперед, подвозя материал для постройки моста. Место для него было выбрано прямо против деревни Джарки, у заброшенной водяной мельницы, где представлялось возможным сократить длину моста использованием островка, отделяющего рукав для мельницы от главного русла реки.

В этот день впервые мы увидели свой корпусный авиационный отряд, под командой штабс-капитана Ткачева³⁷. Он прибыл лётом и спустился аппарат за аппаратом у д. Джарки. Спуск ознаменовался одним грустными инцидентом. Смотреть, как спускаются и садятся чудовищные птицы, сбежались все, что были поблизости – и масса солдат, и жители деревни; при этом один из аппаратов при спуске задел какую-то бабу и смертельно ее ушиб. Некоторые истолковали этот несчастный случай за дурной знак. И, как увидим дальше, это оправдалось.

Распоряжением штаба армии для ускорения нашей переправы к нам в Джарки для наводки моста высылалась часть понтонного батальона. Жаль было, что об этом там не сообщили ранее. Зря поэтому потеряли мы два дня в Джарках.

Подошла в Джарки и бригада 61-й пехотной дивизии с двумя батареями и начальник этой дивизии, генерал-майор Симанский³⁸ со штабом.

6. Переправа через Буг и марш-маневр в новом направлении

К вечеру 13 августа понтонный мост был готов, постоянный саперный заканчивался. Наутро 14-го мы собирались продолжать марш по старой директиве. Но последовало измене-

---

³⁶ *Исаков* Константин Николаевич (1869 – после 1917). Окончил 1-й Московский кадетский корпус. На службе с 08.1887. Окончил Николаевское инженерное училище. Выпущен подпоручиком (09.08.1888) в 6-й понтонный батальон. Окончил Николаевскую инженерную академию (1896). Штабс-капитан с переводом в военные инженеры. В распоряжении начальника инженеров Варшавского ВО (с 06.1896); в распоряжении окружного инженерного управления Кавказского ВО (с 20.02.1897). Капитан (05.04.1898). Участник Русско-японской войны 1904–05. Состоял в распоряжении начальника инженеров Приамурского ВО (с 14.02.1904). Корпусной инженер 1-го Сибирского армейского корпуса (с 25.06.1904). Подполковник (25.01.1905) за боевые отличия. Состоял в распоряжении Главного инженерного управления (с 25.11.1905). Пом. начальника Тифлисской (с 09.03.1906) и Кутаисской инженерных дистанций (с 18.07.1907). Нач. штаба Кавказской саперной бригады (08.1907–10.1910). Полковник (1908, за отличие). Нач. штаба инспектора полевых инженерных войск Кавказского ВО (10.1910–05.1911). Командир 17-го саперного батальона (с 20.05.1911), с которым вышел на Великую войну. Командир 21-го саперного батальона (07–11.1916). Корпусной инженер 38-го арм. корпуса (с 11.1916) и и. д. отдельного руководителя работ 6-го участка Западного фронта (на 02.04.1917). Ген. – майор в апреле 1917. Дальнейшая судьба неизвестна.

³⁷ Вероятно, ошибка автора. В. М. Ткачев, выдающийся русский летчик, командовал в чине подьесаула 20-м корпусным авиационным отрядом в другой армии. 17-м авиаотрядом командовал И. И. Кравцевич, впоследствии генерал, инспектор авиации ВСЮР.

³⁸ *Симанский* Пантелеймон Николаевич (1866–1938). Окончил Псковский кадетский корпус (1883). На службе с 09.1883. Окончил 2-е военное Константиновское училище (1885), выпущен подпоручиком, переведен в гвардию. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1891), капитан. Старший адъютант штаба 35-й пех. див. (11.1891–09.1896). Прикомандирован к Александровскому военному училищу для преподавания военных наук (09.1896–05.1900). Подполковник (1896). На штабных и преподавательских должностях. Полковник (1900), ген. – майор (1909). С 03.1909 командовал 2-й бригадой 35-й пех. див. Участник ПМВ. Командующий 61-й пех. див. (07.1914–07.1917). Кавалер Георгиевского оружия (06.01.1915). В резерве чинов при штабе Московского ВО с 07.1917. Ген. – лейт., командир 47-го арм. корпуса. Участник Белого движения на Северо-Западе. С 25.10 по 22.11.1918 начальник 1-й стрелк. див. Отдельного Псковского добровольческого корпуса, с 30.12.1918 по 01.1919 командир Либавского отряда. В эмиграции в Польше, военный историк, писатель, председатель Российского общественного комитета в Польше. Умер в Варшаве.

ние. 5-му и 17-му корпусам приказано было повернуть значительно направо и быстро наступать в общем направлении на Томашов³⁹. Это решение было принято командующим армией, генералом Плеве⁴⁰ под влиянием слагавшейся на правом фланге 5-й и 4-й армий обстановки.

Там противник крупными, превосходными силами уже вел наступление на Люблин – Холм и в разрез между этими пунктами. Правофланговый корпус нашей армии, 25-й и следующий, 19-й – уже ввязались в тяжелые бои с наступавшим из района Томашова противником. 5-й и 1-й – до сих пор не только никого перед собой не встретили, но и не имели еще о противнике почти никаких сведений. Наши южные 3-я и 8-я армии вторглись уже глубоко в Галицию, направляясь на Львов и тесня перед собой противника. Невольно создалось впечатление, что главная масса Австро-венгерской армии направлялась для удара на Люблин – Холм.

Отсутствие противника перед 5-м и 17-м корпусами как бы указывало, что правый фланг направленных сюда сил обрисовывался где-то в районе Томашова.

Как потом выяснилось – это и было почти что так. Отсюда и явилось у командующего нашей армией решение широким маневром в ½ оборота направо от прежнего направления вывести два левых своих корпуса (5-й и 17-й) к Томашову примерно и ударить во фланг тем силам противника, которые давили на два правых корпуса (25-й и 19-й), надеясь при удаче совершенно опрокинуть замыслы противника на своем фронте и оказать влияние на положение на фронте нашей 4-й армии⁴¹.

Это решение и распоряжение для его исполнения показалось нам очень интересным и, приступая к его исполнению, помню, мы, генеральный штаб, горели особым желанием поскорее достигнуть возможных крупных результатов. Лишь немного озадачивала нас загадочная тишина, молчание огромного лесисто-болотистого пространства в треугольнике Рава Русска – Белз – Жолкиев. В начале августа, как выше упоминалось, наша конница там побывала и ничего значительного не обнаружила. Но прошло уже несколько дней с тех пор. Обстановка тут могла измениться. А к тому же при исполнении предписанного маневра приходилось к этому загадочному пространству повернуться флангом. Вот почему сделано было все возможное, чтобы обезопасить себя с этой стороны от всяких неожиданностей. 7-я кавалерийская дивизия генерала Тюлина, следовавшая левее 35-й дивизии, по нашей просьбе была подчинена командиру корпуса.

14 августа, когда рассвело, все, что стояло у д. Джарки, двинулось одной колонной за авангардом 3-й пехотной дивизии. Буг перешли по отличному понтонному мосту.

Левая колонна – 35-я дивизия – перешла реку у Сокаля по шоссевному мосту. Ее движение слева прикрывала двигавшаяся левее и несколько уступом впереди 7-я кавалерийская дивизия⁴². Для ее поддержки близко к ней следовал боковой авангард 35-й дивизии – 139-й Моршанский полк полковника Гутора (не генерального штаба).

³⁹ Город в в Брезинском уезде Петроковской губернии Царства Польского.

⁴⁰ *Плеве* Павел Адамович (1850–1916). Окончил Варшавскую гимназию. На службе с 08.1868. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1870), выпущен корнетом в Лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1877). Участник Русско-турецкой войны 1877–78, обер-офицер при штабе 13-го арм. корпуса (07.1877–09.1878). На штабных должностях. Правитель дел в Николаевской академии Генерального штаба (11.1884–12.1890). Командир 12-го драгунского Мариупольского полка (12.1890–01.1893). Ген. – майор (1893), за отличие. Начальник Николаевского кавалерийского училища (06.1895–06.1899). Командир 2-й кав. див. (06.1899–11.1901). Ген. – лейтенант (1901), за отличие. Начальник войскового штаба войска Донского (11.1901–03.1905). Участник Русско-японской войны 1904–05. Ген. от кавалерии (1907), за отличие. С 03.1909 – командующий войсками Московского ВО. Участник ПМВ. Командующий 5-й армией. Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (18.09.1914). Во время Лодзинской операции руководил всеми русскими войсками в районе Лодзи. В 01.1915 получил вновь сформированную 12-ю армию, вскоре переименованную в 5-ю. С 12.1915 главноком. армиями Северного фронта, по состоянию здоровья в 02.1916 освобожден от командования и назначен членом Государственного совета. Умер в Москве.

⁴¹ Создана на базе управления и войск Казанского ВО. Командующий – престарелый генерал А. Е. Зальца.

⁴² Она должна была, двигаясь вдоль болотистой реки Солонки, охватывать на ней переправы. – *Примеч. автора.*

Дивизии следовали: 3-я – по дороге на с. Войславице, Хоробрув, м. Ворелж, Городище, Гульче, Лиски, Новоселки; 35-я – на с. Шмиткув, Бузина, Длужиев, Васимов.

Штаб корпуса следовал с 3-й дивизией. Стояла чудная летняя погода. Дороги в Галиции оказались лучше наших. Страна была богата хлебом. На многочисленных по пути нашего следования хуторах и имениях помещичьих было много зернового фуража, который был еще или на полях, или в скирдах уже. Тут мы брали уже не стесняясь, как то было на Волыни. Особенно довольны были артиллеристы, что не нужно рыскать в поисках фуража. Все было всегда под руками.

Марш в этот день был утомителен. Каждая колонна прошла не менее 30 верст. Шли с раннего утра до темноты и в темноте еще подтягивались хвосты.

Помню, когда мы обгоняли части 3-й дивизии на привалах, те говорили, что очень утомились. Галицийские селения по пути были пустынные. Большинство жителей их покинуло. Некоторые селения, где было много еврейского населения, были полусожжены. В этот период войны, когда наши войска вторгались в пределы неприятельской территории, часто наше приближение к какому-либо селению отмечалось очень часто вспыхивавшими почти мгновенно в них пожарами. Сначала мы удивлялись, что в пустом почти селении вдруг ни с того ни с сего, что называется, пылали хаты, чаще же хозяйственные постройки. Но скоро все выяснилось. Оказывается, это были условные сигналы противнику о нашем приближении. Видимые очень далеко, они верно указывали ему о наших передвижениях. Нечего и говорить, что шпионами-сигнальщиками были почти исключительно жида. Отсюда возникла особенная к ним ненависть у наших войск, а казаки были к ним беспощадны. В 1-й Донской казачьей дивизии разъезды, побывавшие и в этом районе, почти поголовно выжигали в селениях еврейские кварталы. Это было ответом на их «пожарные сигналы» с одной стороны, как месть за шпионскую их работу, а с другой – введение противника в заблуждение об истинном направлении нашего движения.

О противнике и в этот день не было сведений на фронте корпуса. Хотя 35-я дивизия по подходе к месту ночлега – с. Васимов – Пшеводов – слышала артиллерийскую канонаду где-то в северо-западном направлении. То же знала и 3-я дивизия, заночевавшая в районе Новоселки – Телятин – Радков.

В темноте уже штаб корпуса прибыл в Новоселки, место намеченного ночлега. Главная улица забита была остановившимися войсками 3-й пехотной дивизии, которые от переутомления как стали на пыльной дороге, так и полегли почти все поголовно и спали, кто где прилег. Тут же от раненых тобольцев⁴³ (10-я дивизия 5-го корпуса) мы узнали, что их полк, будучи в авангарде, вел у Лащова сильный бой с большими силами австрийцев.

До поздней ночи мы сидели в доме священника с. Новоселки, составляя приказ на 15 августа. Утомление было крайнее: помню, сидя засыпали на мягких стульях поповских.

Наш же «совет-коллегия» для составления приказа доконала нас окончательно.

На 15-е приказ по 17-му корпусу предписывал наступать в общем направлении на Белжец. Предвидя очень вероятную встречу с противником, он распределял войска корпуса по колоннам так, что в этом распределении намечался будущий боевой порядок корпуса. Правая колонна – 3-я дивизия должна была, придерживаясь тесной связи с соседом направо – 10-й дивизией 5-го корпуса у Лащова, наступать на с. Посадов, Жерники, Подлодов. 35-я – на с. Кржевица, Щенятын, Торношин, Заставе, Махнов. Бригада 61-й дивизии намечалась быть резервом и должна была идти на некотором расстоянии за 35-й дивизией. Левый фланг по-прежнему прикрывался 7-я кавалерийской дивизией.

Наш сосед справа 5-й корпус собирался на 15-е атаковать 10-й дивизией противника у Лащова, силы которого определялись боем с ними тобольцев около дивизии.

---

⁴³ 38-й Тобольский графа Милорадовича пехотный полк. Сформирован в 1703 г. В ПМВ в 10-й пех. див. 5-го арм. корпуса.

7. 15 августа. Первые бои. Неудача

Выступление войск с ночлегов началось рано, на рассвете 15-го. Утро было прекрасное и погодой, и первыми сведениями. Подполковник Головинский ездил за ориентировкой в штаб 5-го корпуса, в Жулице, и привез оттуда известие о крупной победе наших войск: 10-я дивизия при содействии 11-го Псковского полка 3-й дивизии атаковала у Лацова австрийские силы, охватила их с обоих флангов и даже с тыла и после небольшого сопротивления взяла в плен целиком австрийскую дивизию с артиллерией и всеми потрохами⁴⁴. Весть эта облетела всех с быстротою молнии и произвела необычайно радостное впечатление. Утренняя наша воздушная разведка в направлении Томашова также давала как будто бы благоприятные сведения: по многим путям в районе Томашова было обнаружено массовое движение обозов в южном направлении. И нам так хотелось верить, что противник начинает очищать район Томашова под угрозой нашего удара им во фланг. А отсутствие до полудня сведений о встрече с противником на фронте нашего корпуса рисовало уже нам картину выхода его в тыл австрийцам.

Штаб корпуса уже собирался выступить из Новоселки, чтобы следовать за левой колонной, за бригадой 61-й пехотной дивизии, как намечалось приказом по корпусу. Но задержались мы вследствие желания начальника корпуса получить еще донесения из колонн, особенно из 35-й дивизии и 7-й кавалерийской, куда был послан с этой целью мотоциклист. Эта задержка с выходом штаба корпуса имела неблагоприятные последствия: командир корпуса в самую серьезную минуту лишен был возможности управлять войсками корпуса и влиять на события на фронте их. Прибывший наконец мотоциклист сообщил, что к 7-й кавалерийской дивизии он не мог проехать, ибо там бой. Какой бой, кого с кем – этого добиться от него не могли. Но по виду его, растерянному, как у ошпаренного, мы могли заключить, что начавшийся в левой колонне бой неблагоприятен для нас. Началась тогда суета. Посылались ординарцы один за другим. Мне приказано было вести к штабу 35-й дивизии линию телефона. Для быстроты были погружены на автомобиль несколько катушек кабеля и аппаратов и старший телефонист с группой своих людей поехал их разматывать. Однако до штаба дивизии было далеко – раз, а другое – никто не знал, где он в данный момент находится.

После полудня мы услышали в стороне левой колонны артиллерийскую стрельбу, а несколько спустя были ясно видны разрывы, характерные красноватые разрывы австрийских шрапнелей. Скоро в той стороне запылали пожары, горели деревни, не то Васимов, не то Ульговек. И было в этих пожарах что-то зловещее. Мы думали, что неприятельская артиллерия зажгла селения. Но было это и так и не так. Потом мы узнали, что были и поджоги злоумышленные, сигнальные. И когда на одной из хат в Васимове поймали жида, что-то, видимо, сигналившего, казаки беспощадно расправились со всеми жидами.

---

⁴⁴ Разгромлена 15-я венгерская пехотная дивизия, потерявшая 4000 пленными, 2 знамени и 22 орудия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.